

УДК 342.5:94(470+571)"1941/1945"

Ситников А.В.

*Российская Академия Народного Хозяйства и
Государственной Службы при Президенте РФ (г. Москва)*

ИНСТИТУТЫ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ, МОРАЛЬНАЯ СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается трансформация государственных и общественных институтов во время Великой Отечественной войны. Автор анализирует моральные и политические аспекты созданной в военное время централизованной модели власти и управления, которая обеспечила необходимую для победы военную и трудовую мобилизации. Данная модель партийно-бюрократической диктатуры с присущими ей издержками была в послевоенные годы перенесена в страны Восточной Европы. Автор разбирает, как отношение общества к этой модели оказалось в дальнейшем связано с оценкой роли СССР в победе над фашизмом.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, власть, управление, диктатура, насилие, идеология, либерализм.

A. Sitnikov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow

THE INSTITUTIONS OF POWER IN WAR CONDITIONS: EFFICIENCY, MORAL AND IDEOLOGICAL GROUNDS

Abstract. The article deals with the transformation of state and public institutions during the Great Patriotic War. The author analyzes the moral and political aspects of the centralized model of Authority and Governance created during the wartime which provided military and labor mobilization the necessary for the victory. This model of party-bureaucratic dictatorship in the postwar years was transferred to Eastern Europe. Today the attitude of the society to this model involves assessing the USSR's role in the victory over fascism.

Key words: the Great Patriotic War, authority, governance, dictatorship, violence, ideology, Liberalism.

Победа во Второй мировой войне – безусловная заслуга народа и армии Советского Союза. Мужество и героизм советских солдат, талант и воля полководцев, огромные усилия и самоотверженный труд всего народа одолели военную машину гитлеровской Германии. Во время войны неизбежно

© Ситников А.В., 2015.

происходит трансформация государственных и общественных институтов, изменяется политический режим, расширяется сфера правительственного контроля во всех сферах жизнедеятельности, в том числе устанавливается контроль над обществом и идеологией. Мобилизация нации требует огромного напряжения сил, огра-

ничений свобод гражданского населения. Эти процессы играют большую роль: от них зависит боеспособность и эффективность армии, но одновременно они ведут к установлению тоталитарных тенденций, которые нельзя исследовать в отрыве от породившего их военного контекста.

В настоящей статье будет предпринята попытка рассмотреть некоторые аспекты этого процесса. Представляемый текст не является историческим исследованием, но принадлежит, скорее, к области политической философии. Мы оставим за скобками много важнейших вопросов, таких, как причины войны, ее ход и результаты. Опираясь мы будем на известные отечественные и зарубежные исследования и источники по истории России и мировых войн XX в., а также на идеи известных социальных мыслителей.

Централизация управления в условиях Великой Отечественной войны

С началом войны высшими органами государственной власти ввиду чрезвычайного положения было принято постановление об образовании Государственного Комитета Оборона (далее – ГКО), который первоначально состоял из 5 человек (потом был расширен до 9) и сосредоточил в своих руках всю полноту власти. С образованием ГКО было упразднено разделение на партийные, государственные и военные органы. ГКО обладал неограниченными полномочиями. Любые вопросы управления решались узким кругом лиц, а в основном председателем ГКО (поскольку ГКО регулярно и в полном составе не собирался). Постановления и распоряжения этого

чрезвычайного органа имели силу законов военного времени. Все граждане и организации были должны их выполнять неукоснительно и беспрекословно. Военное управление означало ограничение прав и свобод граждан, сужение деятельности законодательных и судебных органов. В частности, были отменены неприкосновенность жилища, свобода передвижения, тайна переписки, установлен особый режим рабочего времени, упрощенный порядок следствия и судопроизводства. Правовой, судебный и внесудебный произвол, сокращенные сроки производства по уголовным делам, которые составляли от одного до трех дней, включая и приведение приговора в исполнение, неизбежно способствовали репрессиям и массовой гибели и страданиям невинных людей.

В условиях войны сложилась крайняя централизация управления. Полномочия тех, кто находился на вершине пирамиды власти, никто и ничто не ограничивало, первое лицо было ни перед кем не ответственно, его никто не контролировал [6, с. 328-329]. Безмерная концентрация власти у очень узкого круга лиц, занимавших одновременно несколько постов и должностей в высших руководящих органах (ГКО, Ставки ВГК, Политбюро ЦК ВКП(б), СНК СССР), давала ощутимый положительный эффект, поскольку позволяла оперативно и без траты времени на согласования решать любые вопросы. Но, как отмечают исследователи, слишком узкий состав высшего руководства «таил в себе опасность субъективизма, произвола, бесконтрольности, недостаточной проработки некоторых решений. По существу одни и те же лица при-

нимали решения, организовывали их выполнение и контролировали результаты работы. В случае неудач всегда отыскивались «козлы отпущения» среди подчиненных исполнителей. Поэтому кадровая чехарда, особенно на начальном этапе войны, была обычным делом» [6, с. 330-331].

Советская сверхцентрализованная командно-репрессивная государственная система оказалась прочнее и крепче гитлеровской, и во многом благодаря ей была одержана победа. Она позволяла не просто мобилизовать значительное количество людей на ту или иную необходимую для фронта деятельность, но нередко требовала от индивида готовности умереть, требовала пожертвовать жизнью ради победы, отдать все силы труду во имя высшей цели. Благодаря этому были достигнуты боеспособность Красной Армии и максимальная эффективность советской экономики. Уже «на протяжении всего 1942 года рост промышленного производства в СССР продолжался из месяца в месяц. Валовая продукция всех отраслей промышленности СССР с января по декабрь 1942 года увеличилась более чем в 1,5 раза, в 1943 году еще на 17 %» [4, с. 46].

После окончания Великой Отечественной войны ГКО был упразднен, чрезвычайное положение прекращено. Но созданная в предвоенное и военное время «диктаторская» модель со всеми ее достоинствами и недостатками, присущими жесткой централизованной власти, еще долго оставалась образцом, эталоном и сутью советской политической системы. Именно эта модель обеспечила победу над сильным противником, а затем и торжество советских идеалов во всем мире.

Можно ли было избежать этого крена в тоталитаризм? Является ли он неотъемлемой частью формирующихся в условиях войны институтов власти?

К чему ведет в условиях войны «либеральная модель»?

Попробуем сопоставить «диктаторскую» модель с тем, что мы условно назовем «либеральной». Эти две противоположные по сути модели были реализованы, соответственно, во время Великой Отечественной войны и во время Первой мировой войны. Первая мировая война закончилась для России полным крахом, страна понесла значительные потери, была свержена династия, правившая 300 лет, произошло крушение политической и экономической структуры, наступил хаос и Гражданская война. Великая Отечественная война была гораздо более серьезным испытанием для народа, для страны, враг был сильнее, но окончилась она величайшей победой Красной Армии.

Во время Первой мировой войны в Российской империи не было политического единства, интеллигенция активно действовала против власти, буржуазия, воспользовавшись войной, стремилась укрепить свое политическое влияние, бюрократия всеми силами этому препятствовала. Правящая династия показала полную неспособность управления страной и военными действиями, которые часто были децентрализованы, проводились без единой стратегии. Российской армии не хватало винтовок, боеприпасов, артиллерии. Российская промышленность с большим запозданием смогла наладить поставки всего необходимого на фронт.

Самое трагичное было в том, что некоторые политические силы стремились использовать возникающий в ходе войны политический и экономический кризис для падения самодержавия, «в сентябре 1914 года Ленин провозгласил лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую» [7, с. 366]. Его последователи активно вели антиправительственную пропаганду и агитацию, в том числе и в армии.

Возникший в сентябре 1915 г. Прогрессивный блок думских фракций, который насчитывал 236 из 442 членов Думы, вел настоящую войну с российским правительством [7, с. 373-378]. В 1915-1916 г. правительство нередко оказывалось в состоянии войны на два фронта: первый – это боевые действия против Германии и Австрии, а второй – политические баталии со своими противниками в тылу. Главная причина поражения России в 1917 г. и ее выход из войны – в непрекращающейся борьбе правительства и оппозиции.

Представленная в Думе позиция общества была непримиримой и бескомпромиссной. Либералы и социалисты пытались воспользоваться военной обстановкой для укрепления парламентского строя за счет монархии, внутренняя борьба во имя достижения своих политических целей была для оппозиции важнее, чем победа российской армии на фронте. Война рассматривалась буржуазией как уникальная возможность добиться политической власти, получить политическое преимущество над самодержавием. «Такого противоборства власть имущих и общества в период войны, как в России, нигде более не наблюдалось. И это весьма пагубно

отразилось при мобилизации сил на внутреннем фронте. Непреодолимая неприязнь, с какой смотрели друг на друга лидеры деловых и политических кругов и бюрократия, препятствовала их взаимодействию. Бюрократия была убеждена – и не без основания, – что политики, воспользовавшись войной, хотят завладеть всем политическим аппаратом. Оппозиционные политики, со своей стороны, верили, – и тоже имея на это достаточно оснований, – что в стремлении любой ценой сохранить власть бюрократы не остановятся и перед поражением на фронте, а в случае же победы неминуемо ликвидируют конституционный строй и восстаноят монархию» [8, с. 237].

Цель думской оппозиции состояла в том, чтобы получить право назначать министров, то есть подчинить Думе российскую бюрократию. Это противостояние общества и правительства, интеллигенции и монархии, их неспособность идти на компромисс не улучшали военную обстановку на фронте и привели к Февральской революции 1917 г., прямым следствием которой стали резкое падение экономики, развал Российской армии и страны.

Стоит отметить, что в странах Антанты в 1914-1918 г. произошли существенные ужесточения политических систем. Институты власти трансформировались в сторону диктатуры даже в Великобритании, где значительно расширились полномочия правительства, а влияние парламента, напротив, сильно уменьшилось. Кабинет министров издавал законы посредством указов без участия законодательного органа страны. Была введена цензура. Лидеры ведущих английских партий, либеральной и консервативной, уста-

новили перемирие и «на период войны отказались от публичной критики друг друга. В результате политическая оппозиция практически перестала существовать» [7, с. 298]. Даже выборы в Британии в годы войны не проводились, а по истечении срока полномочий действующего парламента в 1915 г. его полномочия были продлены на неопределенное время.

Диктатура как институт власти в чрезвычайных условиях

Принято считать, что сосредоточение власти в одних руках – это большая опасность, которая порождает насилие и произвол. Напротив, ослабление власти, ее разделение на законодательную, исполнительную и судебную помогает избежать этих негативных явлений, приумножает свободу, демократию и права человека. Естественно, что возможность всех социальных групп и индивидов участвовать в управлении страной – это важное демократическое достижение. В мирной жизни, когда все спокойно и никакой внешний враг не угрожает существованию народа, либеральные принципы устройства власти вполне адекватны и могут способствовать решению таких стоящих перед государством целей, как повышение уровня благосостояния, умножение гражданских свобод, демократии и законности, защите прав человека, приросту национального богатства, социальной справедливости и проч.

Однако в условиях войны и, соответственно, чрезвычайного положения появляются иные задачи, цели и критерии эффективности власти. Высокая концентрация государственной власти – условие достижения необходимой во-

енной и трудовой мобилизации. Чрезвычайное положение актуализирует и нуждается в тех проявлениях власти, которые могут в обычной ситуации представлять опасность. В Римской республике в чрезвычайной обстановке назначался диктатор, задача которого состояла в том, чтобы устранить опасность, ставшую причиной его назначения. Он был не связан законами или ограничениями какой-либо инстанции, мог отдавать любые распоряжения без возможности их обжалования, располагал неограниченной властью карать и миловать.

Карл Шмитт, посвятивший явлению диктатуры специальное исследование, полагал, что «диктатор вправе предпринимать именно все те действия, которых требует положение дел. Таким образом, вопрос здесь ставится уже не о правовых соображениях, а о том средстве, которое в данном конкретном случае годится для достижения конкретного результата. Ход действий здесь тоже может быть правильным или неправильным, но эта оценка относится только к тому, правильны ли принятые меры в ситуативно-техническом смысле, целесообразны ли они. Оглядка на препятствующие права, на согласие третьих лиц, чьи интересы ущемляются, учет благоприобретенных прав, следования по инстанциям или возможности обжалования могут быть «противны сути дела», т.е. стать вредными и неправильными в ситуативно-техническом смысле. Поэтому при диктатуре превалирует исключительно цель, освобожденная от всех правовых препятствий и определяемая только необходимостью достичь того или иного конкретного состояния» [11, с. 30]. Исполнительной власти в

этой ситуации не предшествует никакая норма, при этом исполнительная власть требует точного повиновения, само ее осуществление не должно становиться зависимым от чьего-либо согласия. Никакая организация не сможет хорошо функционировать, если исполнители, руководствуясь какими-либо интересами, станут претендовать на самостоятельное действие или контроль, исходя из других точек зрения, нежели точка зрения технической функции. «В рамках слаженно функционирующей исполнительной власти, когда условия ее деятельности уже оговорены, никаких разъяснений, согласований, совещаний с исполнительным органом больше не проводится» [11, с. 30].

Модель правления при диктатуре соответствует чрезвычайному положению и, обеспечивая независимость диктатора от законов и подчиненных, делает возможным принятие быстрых, эффективных и жестких решений, которые будут выполнены. Дж. Агамбен отмечал, что «приостановление права как будто бы высвобождает некую силу» [1, с. 108].

Не только на Западе, но и часто в нашей стране восприятие и оценка Советского Союза и всей его политики с конца 20-х до середины 50-х гг. было задано трудами Х. Арндт, ее концепцией тоталитаризма. Х. Арндт полагала, что тоталитаризм возможен там, где имеются «массы». Этот термин она использует для обозначения огромного количества атомизированных, нейтральных, политически равнодушных людей, которых не объединяет осознание общих интересов, у которых нет отчетливой классовой структурированности [2, с. 414].

По мнению Х. Арндт, «массовая атомизация в советском обществе была достигнута умелым применением периодических чисток». «С целью разрушить все социальные и семейные связи, чистки проводятся таким образом, чтобы угрожать одинаковой судьбой обвиняемому и всем находящимся с ним в самых обычных отношениях, от случайных знакомых до ближайших друзей и родственников» [2, с. 429]. Таким образом, террор и репрессии становятся неотъемлемым институтом тоталитаризма, конструирующим массы атомизированных, изолированных индивидов, неограниченно, безусловно и неизменно преданных партии и ее вождю. Тотальная преданность — это психологическая основа для тотального господства, которая возможна лишь «от полностью изолированной человеческой особи, которая при отсутствии всяких других социальных привязанностей — к семье, друзьям, сослуживцам или даже просто к знакомым — черпает чувство прочности своего места в мире единственно из своей принадлежности к движению, из своего членства в партии» [2, с. 430].

Анализ, проведенный Х. Арндт, признан классическим и, безусловно, объясняет важные аспекты того, почему в России и в других странах имели место тоталитарные движения, показывает связь структуры общества и тоталитаризма. Однако Х. Арндт упускает весьма существенное обстоятельство — становление диктаторских институтов в СССР проходило в условиях подготовки и ведения Великой Отечественной войны.

П.А. Сорокин со ссылкой на историю Древнего Египта, Персии, Греции, Рима, Византии, Индии, Китая,

Японии и других стран формулирует закономерность: «в странах, которые чаще остальных принимают участие в крупных войнах, даже в нормальные времена социально-политический режим был в гораздо большей степени тоталитарным, чем режим более миролюбивых стран» [9, с. 106]. Крупномасштабным войнам всегда сопутствует милитаризация и «тоталитаризация» политической, экономической и социальной сфер общества. При подготовке к войне и в условиях войны происходит сдвиг в сторону установления диктатуры и тоталитаризма, расширяется и ужесточается государственный контроль, формируется правительство, не ограниченное никакими конституционными нормами. Победа, по мнению, П.А. Сорокина, обычно достигается той страной, которая превращается в единый хорошо отлаженный механизм, в котором правительство строго управляет населением, ресурсами, идеологией. В условиях войны государство подчиняет сферы экономики, ограничивает права собственности, проявления индивидуализма. «Страна, граждане которой во время войны станут обсуждать вопрос, сражаться им или не сражаться, подчиняться или не подчиняться постановлениям правительства, приносить себя в жертву или не приносить, – такая страна, конечно, должна потерпеть поражение от противника» [9, с. 106]. Это общая закономерность.

Издержки диктатуры и ее моральная несостоятельность

Обратной стороной способности мобилизовать огромные массы на решение поставленных задач, что определило военные успехи СССР при

сталинском режиме, был террор, затрагивающий большое количество граждан. От него пострадали и обычные граждане, и командный состав армии, и политическая элита, и «враждебные национальности» [10, с. 1135-1169]. Средством мобилизации и модернизации выступало насилие, а целью было сохранение страны и борьба с врагом.

Жестокость и беспощадность диктатуры как по отношению к чужим, так и к своим всегда оказывается одним из весомых аргументов не в ее пользу. В ходе войны СССР потерял более 26 млн. человек, что во много раз больше потерь других стран. Потери Красной Армии, в частности, в 5 раз превысили германские. Также и потери западных стран были несопоставимо меньшими, что во многом обусловлено безжалостностью, с которой военное командование СССР относилось к своим солдатам. Высокие потери были не только от врага во время войны, но и от репрессий внутри. Так, число этих жертв составляет около 4,5 млн человек и еще примерно 7 млн депортированных. Всего пострадавших от политических репрессий – около 12 млн человек.

Победа СССР во Второй мировой войне способствовала укреплению советской системы и распространению влияния СССР в Европе и в мировом масштабе. Благодаря гигантскому вкладу Красной Армии в победу над фашизмом в странах Восточной Европы после окончания Второй мировой войны были установлены коммунистические режимы, а социализм приобрел огромную популярность в Европе. В таких странах, как Польша, Венгрия, Болгария, Румыния и в значительной мере в Чехословакии победа Красной Армии сыграла решающую

роль в создании условий, при которых пришли к власти коммунисты. «Во многих частях Европы, наряду со стратегическими изменениями, принесенными с собой советскими вооруженными силами, изменился менталитет населения. Люди все чаще стали воспринимать социализм как более справедливый и рациональный способ организации экономики по сравнению с капитализмом. Планирование рассматривалось как панацея от превратностей рынка, способная умерить неравенство, порождаемое рыночными отношениями» [3, с. 207].

Однако все эти плюсы перечеркивались тем, что послевоенная политика СССР в восточноевропейских странах использовала сформировавшиеся в условиях войны средства и методы решения международных, государственных, политических и социальных проблем с помощью создания партийно-бюрократической диктатуры. Приход к власти и правление коммунистических партий были связаны с жестким контролем над обществом и утверждением советской модели его организации [5, с. 592]. Это сохранилось в памяти народов стран Центральной и Восточной Европы, а в последние десятилетия активно изучается историками, становится составной частью антироссийской идеологии, которая советское присутствие в этих странах обычно связывает с подавлением политических свобод и репрессиями [5, с.14-15]. Оправдание войной и чрезвычайным положением репрессий и террора, утверждение неизбежности и необходимости жертв военного насилия не встречают никакой поддержки и понимания в современном либеральном обществе. Многие граждане вос-

точноевропейских стран, после того как в послевоенные годы им пришлось попробовать вкус диктатуры, готовы сегодня отказаться от своего суверенитета и встать в фарватере США в надежде членством НАТО обрести мир, безопасность и либеральный порядок.

Идеологические основы восприятия победы и институтов власти

Основы политической философии либерализма – утверждение идеалов пацифизма, потребительства и безопасности жизни человека, которые он ставит превыше всего. Право на сохранение жизни индивида – это неотъемлемое право человека, оно не только предшествует государству, но и определяет цель государства и границы вмешательства власти в сферу существования индивида. Из этого в дальнейшем, по мнению Л. Штрауса, выросла вся либеральная политическая доктрина [12, с. 122].

В тех странах, где господствует либеральное мировоззрение и соответствующий образ жизни, где граждане менее всего хотели бы за что-либо умирать или чем-либо жертвовать, диктаторский режим вызывает наибольшее отторжение. Жесткая советская стилистика властных отношений воспринимается как угроза там, где либерализм является общей идеологией, коллективной идентичностью, где на нем основываются ценности и институты, в центре которых – свободная личность с неотчуждаемыми правами.

Либеральная идеология оказывается привлекательной не только на Западе, но и в России. Запад всегда одним фактом своего существования составлял самую большую проблему и для коммунистических систем, и для

посткоммунистического общества, так как Западная Европа и Северная Америка способны предложить народам более привлекательные перспективы по сравнению с режимами советского типа, более высокий уровень жизни и намного больше свобод [3, с. 635]. Отсутствии убедительных альтернатив западной политической и экономической модели – это, наверно, самая большая проблема. Поскольку Россия сегодня движется в рамках той же либеральной модели, в которой Запад обладает правом первородства и потому заведомыми преимуществами, то никакие достижения нашей страны не будут признаны, если они не санкционированы гегемоном. Победа над фашизмом – это немного из того, что Россия получила суверенным образом, то есть опираясь на созданные православием на протяжении веков ценности, идеалы служения и самопожертвования.

Победа – это несомненная ценность для всего мира. Отрицая и принижая роль СССР во Второй мировой войне, США, Великобритания, другие страны Европы приписывают победу себе, а некоторые жители этих стран вовсе не знают, что СССР воевал с Германией. Для России память о Великой Отечественной войне, героизм победителей, идеалы подвига, самопожертвования имеют исключительное значение, поскольку на них может основываться идентичность народа, историческая память, чувство причастности к героическому прошлому, гордость за страну.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Агамбен Д. Homo sacer. Чрезвычайное положение. М.: Изд-во «Европа», 2011. 148 с.
2. Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
3. Браун А. Взлет и падение коммунизма. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 864 с.
4. Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период отечественной войны. М.: ОГИЗ, Государственной издательство политической литературы, 1948. 88 с.
5. Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949-1953): Очерки истории. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2008. 686 с.
6. История государственного управления в России. Издание 4-е. Под общей ред. Р.Г. Пихои. М.: Изд-во РАГС, 2009. 440 с.
7. Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 1: первая мировая война: Исторический очерк. М.: Наука, 2002. 686 с.
8. Пайпс Р. Русская революция. Часть первая. М.: Росспэн, 1994. 480 с.
9. Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий. Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека. Социальную организацию и культурную жизнь. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2012. 336 с.
10. Тепляков А. Эпоха репрессий: Субъекты и объекты // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / Под редакцией Г. А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2013. 1520 с.
11. Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб.: Наука, 2005. 326 с.
12. Штраус Л. Замечания к «Понятию политического» Карла Шмитта. В кн.: Майер Хайнрих. Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического». О диалоге отсутствующих. М.: Изд. группа «Скимень», 2012. 192 с.